

Кадетское письмо

№ 122. Буэнос-Айрес, апрель 2020. XXVII год издания.

Христос Воскресе!

Русская Пасха

(Отрывки из пасхальных воспоминаний)

Моя судьба, и судьба моей семьи, так сложились, что я лично никогда не мог праздновать Пасху в России. Однако, я всегда праздновал Русскую Пасху, в самых разных местах и в самых разных обстоятельствах.

Я родился в Белграде 31 июля 1927 года, значит уже после Пасхи. Меня крестили в русской православной церкви, в русском Храме Пресвятой Троицы в Белграде. Мне мать рассказывала, что во время Крещения я вцепился обеими руками за бороду священника и никак её не хотел отпускать. Мне мать говорила, что я с самого начала всегда крепко держался за всё хорошее. В основном, это было так, несмотря на все искушения и трудности.

В Боснии

Еще до того, как мне исполнился один год, мои родители переехали в маленькую деревню Сеоница, в Боснии, около десяти километров от города Мостара, кажется, построенного еще Римлянами. Моего отца назначили директором сербской начальной школы в Сеонице, а мою мать – преподавательницей.

Моя мать уже жила около семи лет в Югославии и уже говорила неплохо по-сербски. Она вообще очень быстро учила все языки, например испанский язык она выучила уже в Аргентине за пару месяцев. Она свободно говорила и писала по-французски и по-немецки, ибо кончила *«Киевский Институт благородных девиц»*, где эти два языка ежедневно интенсивно преподавались в течение семи лет. (Мне уже давно говорили, что лучше не упоминать *«Институт благородных девиц»*, ибо слово **«благородных»** многим не нравится, но моя мать мне категорически запретила скрывать это слово, ибо все её предки веками, всю жизнь воевали за Россию, а это и есть самое благородное занятие для русского человека.)

Мой отец прибыл на несколько лет позже в Югославию, и поэтому еще очень плохо говорил по-сербски. Вообще у него были затруднения с правильным произношением иностранных слов, может быть также и потому, что во время Первой мировой войны на немецком фронте в нескольких метрах от него взорвался большой немецкий снаряд, который ему сильно повредил слух. Я его спрашивал, как же его назначили директором сербской школы, если он не мог хорошо говорить по-сербски. Кроме того, он не имел местного гражданства, ибо всю жизнь сохранял свое русское гражданство. (Он говорил, что **нерусские пролетарии не могут лишать русского офицера русского гражданства**, и поэтому ни он, ни моя мать никогда не хотели брать никакого чужого гражданства). Мой отец мне говорил, что **Король Югославии Александр был русским кадетом** и вообще большим русофилом, за что его и убили. Именно король Александр способствовал назначению русских на государственные должности в Югославии. Были назначены даже русские юристы без гражданства югославянскими судьями, причем даже без хорошего знания сербского языка. В югославянское военное офицерское училище принимали русских кадет без языка, без гражданства и без экзамена. Россия этого не должна забывать. Кроме того, я думаю, что моего отца назначили директором школы также и потому, что он был председателем большого и представительного *«Объединения русских педагогов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев»*.

Население в селе Сеоница было смешанным, с большинством мусульман. Римокатолики были, кажется, на втором месте, а православные - на третьем, по количеству населения. Все были славянского происхождения, ибо были прямыми потомками сербских племён, переселившихся в римские провинции на Балканах в VI и VII веках. Вскоре большинство из них приняло христианство. Какая-то их часть со временем ушла в ересь богумилов, а затем, уже под турецким владычеством, перешла в магометанство. Однако, все они говорили на сербском языке, имели почти одинаковые обычаи и одинаковую еду и вообще жили довольно дружно, даже можно сказать сердечно. Это лишь после идеологических агитаций сперва национал-социалистов, а затем и западноевропейских нео-демократов между ними были посеяны ядовитые семена вражды, обернувшиеся затем частично даже кровавыми эксцессами. Я хорошо помню, хотя я был очень маленький, с каким уважением и высказыванием почтения относились все крестьяне всех вероисповеданий ко всем священнослужителям всех религий, а также и к моим родителям.

Как праздновали Пасху в Сеонице я не помню, за исключением того, что в дни Пасхи было еще больше восточных (византийских) сладостей, как рахатлукум, халва и пахлава. Также смутно помню, что в праздники полагались визиты иноверных к празднующим. Мой отец, как директор местной школы, пользовался особенным почетом. Он председательствовал в негласном комитете всех священнослужителей, которые собирались раз в неделю у нас в доме. Они решали практически все местные дела. Я смутно помню, как на Пасху к нам пришел с визитом местный муфтий в большой белой чалме и принёс в дар домашний рахатлукум. Также я смутно помню, что муфтия тогда мои родители пригласили по русскому обычаю за пасхальный стол, накрытый белой скатертью, с сырной пасхой и куличами, с большими буквами Х. В. Русская Пасха тогда в первый раз пришла в Боснию.

В Сеонице родились мои сёстры Ольга и Людмила. Ольга в двухлетнем возрасте скончалась в Сеонице и была похоронена на местном православном кладбище. Я смутно помню, как её белый гробик везли на ослике в гору, на кладбище. Сейчас после нацистских и нео-демократических беснований в Югославии, этого кладбища больше нет. Приехавшие сербы мне рассказывали, что на месте кладбища устроили маленький парк и говорят, что там никогда никакого православного кладбища не было.

В Далмации

Когда мне уже было четыре года, моих родителей перевели на те-же должности в сербскую деревню Радучичь, в Далмации. 9 километров от города Книна, который раньше был столицей сербской православной Далмации, теперь же полностью «очищенной» от сербов.

Радучичь был очень большой деревней, имевшей, кажется, около тысячи домов, далеко разбросанных друг от друга. Деревня стояла на старой римской дороге, которая вела из Рима в Константинополь и проходила около 30 километров севернее параллельно берегу Адриатического моря, на плоскогорье Динарских Альп. В Радучиче не было православной ни вообще никакой церкви, но он находился в приходе села Мокро Поле, в пяти километрах на север. Мой папа меня брал по воскресеньям за ручку, и мы шли в эту церковь пешком, туда и обратно. Сербы тогда служили Пасхальную Литургию не ночью, а как всегда, по воскресеньям в 10 часов утра. Тогда сербы на их богослужениях употребляли главным образом мелодии Греческой церкви, которые мне очень нравились. Сегодня они, кажется, в основном перешли на мелодии Русской церкви. На Пасху мы с отцом тоже пошли в эту церковь в соседней деревне, и я помню, как мой отец по дороге через поле часто останавливался, чтобы поговорить со встречными крестьянами, а иногда и с их лошадьми. Мой папа очень любил лошадей, ибо воевал с немцами четыре года верхом на лошади. В Радучиче кроме нас больше не было русских. В Радучиче родилась моя младшая сестра Елена и была крещена у нас на дому сербским священником.

Моя мама на Пасху накрывала белой скатертью в большой гостиной в двухэтажном здании школы пасхальный стол, с куличами и сырной пасхой. Я помню, что она также пекла к Пасхе т. н. «цыганскую мазурку», по обычаю Виленской губернии, где родился мой отец. Мне очень нравилась эта мазурка, с инжиром, орехами, миндалём, черносливом и изюмом. Сербы же на Пасху запекали на вертеле во дворе или прямо на улице целого барана. Мы дети имели право покрутить некоторое время это вертело. Я на Пасху ходил к моему другу и однокласснику Десе Дубаичу, в нескольких кварталах от школы, тоже на римской дороге, чтобы покрутить это вертело. Когда я в 1990 году смог впервые поехать в Югославию, я хотел навестить Сеоницу и этого моего друга, но меня отговорили: всех мужчин в Радучиче старше 15 лет убили во время войны. Только за то, что они православные. Имеющие уши, да услышат.

В центральной Сербии

Когда я уже учился во втором классе начальной школы в Радучиче, мои родители были неожиданно отпущены с их должностей в Министерстве просвещения Югославии новым министром, католическим ксендзом, словенцем Корошец. Тогда изгнали всех русских служащих в этом министерстве, которые не приняли югославянского гражданства. Короля Александра убили за год до этого.

Положение моих родителей оказалось весьма плачевным. Несмотря на все просьбы местных властей и местного населения, мы должны были покинуть через месяц здание школы в Радучиче. Тогда еще бушевали последствия мирового экономического кризиса, и мои родители не могли надеяться найти никакую работу. Они решили ехать в город Чачак в центральной Сербии, приблизительно 70 километров на юг от Белграда, где жил младший брат моей мамы и мой крестный отец Леонид Евгеньевич Энвальд. Он работал

инженером электромехаником на военном заводе в Чачке. Мы поехали поездом в Чачак, и тогда я впервые выехал из глухих сербских деревень и впервые увидел городские улицы и электричество в домах. В Чачке было, кажется, население в 14.000 человек, из них около ста человек взрослых русских. Мой дядя устроил моего отца мелким служащим в местную администрацию железных дорог Югославии.

С переездом, жизнь нашей семьи сильно изменилась, в том числе и наши праздники. Во-первых, в Чачке можно было купить много разных продуктов, о существовании которых я раньше даже ничего и не знал. Мы стали отмечать наши русские праздники, и в первую очередь Пасху, гораздо шире и даже богаче, несмотря на весьма тяжелое экономическое положение нашей семьи. В Чачке по пятницам состоялся большой крестьянский базар, на который крестьяне из окружающих деревень приносили свои продукты. Так мы с папой, перед Пасхой, в Страстную Пятницу, покупали несколько килограмм хорошего домашнего творога для сырной пасхи и сто яиц. Сорок яиц, как я хорошо помню, моя мама употребляла для изготовления многих куличей, в том числе и по маленькому куличу для меня и для моих сестер. Кроме того, пеклись куличи и для нескольких холостых и пожилых русских. Сорок яиц красилось, а остальные употреблялись для медового пряника и «цыганской мазурки». Я всё это хорошо помню, ибо я взбивал яйца и приготавливал всё это для моей мамы. Кроме того, покупался маленький копченый окорок, который запекался в духовке в простом хлебном тесте. Так, пасхальный стол накрывался и украшался куличами, сырной пасхой, в виде пирамиды, крашенными яйцами и запеченной в хлебе ветчиной, нарезанной на ломтики. Этот стол так оставался несколько дней. Для нас детей отдельно приготавливался маленький стол с теми-же продуктами и с маленькими куличами.

На первый день Пасхи полагалось варить только лишь зелёный борщ с накрошенными в него пасхальными яйцами, который ели в обед как единственное в этот день сделанное блюдо. Я помню, что этот борщ некоторое время вызывал маленькие споры между моими родителями. Моя мама варила его по харьковским, сиречь малороссийским обычаям, то есть только из шпината. Но мой папа говорил, что в Белоруссии в него полагалось класть также и красную свёклу.

В Чачке меня отец мог на практике научить, как в России раньше праздновали Пасху, ибо в Чачке было достаточно русских. Пасха и другие праздники являются церковными, сиречь **народными и общественными праздниками**, которые можно отмечать и в узком кругу семьи, но гораздо лучше также и в более широком общественном кругу. Мой отец говорил, что на Пасху и на Рождество все мужчины делают короткие визиты близко живущим друзьям, которые их приглашают к праздничному столу и угощают. На второй день делаются более долгие визиты родственникам или близким друзьям, а третий день визиты делают только хозяйки, которые до этого сидели дома, чтобы потчевать визиты. Папа в первый день Пасхи брал меня с собой и всё утро делал визиты хорошим знакомым и друзьям в Чачке. Я не помню сколько таких визитов мы делали, но их было приблизительно около полдюжины. Всюду нас угощали, меня сладостями, а папу маленькой рюмкой ликёра или портвейна. Но на третий день я тоже ходил по гостям, вместе с моей мамой, которая делала визиты хорошо знакомым русским дамам.

В Русском кадетском корпусе в Сербии

Когда я в 11 лет поступил в Кадетский корпус, я первые два года на Пасху, как и на Рождество, уезжал домой, так что я не знал, как празднуют остающиеся в Корпусе кадеты. В третьем классе мои родители не могли оплатить мне билеты поезда туда и обратно, и я остался на Пасху в Корпусе.

В Корпусе соблюдались строго три недели Великого Поста, по военной традиции еще из России: в первую Крестопоклонную и Страстную седмицы, а в остальные недели только по средам и пятницам. На Крестопоклонной неделе все православные кадеты исповедывались и причащались. Когда кадеты потупали в Корпус, им в первые же дни

Директор Корпуса дарил каждому маленькое издание Евангелия, с личной надписью Директора, которое я храню до сих пор. Мы его читали каждый день поста по пол часа. Перед Пасхой, на Страстной седмице соблюдался строгий пост, в том числе и накануне Пасхи. На Страстную субботу все оставшиеся в корпусе кадеты в 11 часов ночи шли строем в корпусную домовую церковь, в которой корпусной священник служил светлую Заутренню. После Богослужения, мы все подходили к кресту священника, который с каждым из нас христосовался. Рядом с ним стоял Директор Корпуса, который затем тоже с нами христосовался и каждому из нас дарил по одному крашенному яичку.

Затем мы шли строем в столовую, в которой все столы, каждый на девять человек, были накрыты белыми скатертями. Это был единственный случай в году, когда столы в столовой накрывали скатертями. Я смутно помню, что я даже немного стал меньше грустить, что я не дома, когда я увидел накрытые столы, с куличами, сырными пасхами, крашенными яйцами и с ломтиками ветчины.

В Белграде

Когда я был в четвертом классе Корпуса, моя семья была вынуждена бежать из Чачка, ибо он оказался в центре партизанской войны между немцами, партизанами-коммунистами и партизанами-четниками (лояльными к югославянскому королевскому правительству в Лондоне), Мой дядя был арестован в Чачке немцами и отправлен ими в плен в Германию, ибо он имел статус югославянского офицера, как инженер на военном заводе. В Белграде мои родители нашли маленькую квартиру за городом, в пяти километрах от центра. Так начался для нас период больших затруднений и даже недоедания. Чачак был окружен сербскими деревнями, крестьяне которых всегда продавали разные продукты питания, но в Белграде этого не было.

Как мы проводили Пасху в Белграде я хорошо не помню, но я знаю, что ни куличей, ни сырной пасхи, ни крашенных яиц уже больше не было. Но были визиты друзей. Помню, что были очень вкусные маринованные грибы, которые собирал мой папа, а мама мариновала. Также помню, что в течение почти целого года мы не имели пшеничного хлеба, а только кукурузный.

В пригороде Белграда, где мы жили, не было православной церкви. Я по воскресеньям ходил пешком в русскую церковь, в центре города, в пяти километрах от нас. Так, на Пасху 1944 года я тоже пошел в нашу церковь. Приблизительно по середине дороги вдруг стал слышен сильный гул самолетов. Это летели, говорят, что две тысячи англо-американских самолетов бомбить Вену и Будапешт (и Белград). На улице было много сербов, и они начали махать платками и радостно кричать *«это летят наши союзники»*. Сербы были тогда очень настроены против немцев и сильно симпатизировали англичанам и североамериканцам. Я продолжал идти дальше и мне даже кто-то сделал замечание, почему я не приветствую англо-американские самолёты. Вдруг раздался сильный взрыв в двух кварталах перед нами. Сначала никто ничего не понимал, но очень скоро выяснилось: это была большая бомба, сброшенная на нас с летящих самолетов. Уже потом мы все узнали, что в большинстве случаев это были бомбы по 500 килограмм, которые англо-американцы сбрасывали как попало на своих союзников в Белграде. В Белграде не было никаких промышленных заводов, ни военных немецких объектов, а лишь сравнительно маленький немецкий оккупационный военный гарнизон. Я не знал, что делать, но бомбы начали падать впереди и сзади меня и я решил идти дальше в церковь.

Когда я через полчаса пришел перед нашу церковь, мне сказали, что Митрополит Анастасий с сонмом духовенства продолжает служить Божественную Литургию, без перерыва, хотя бомбы падали почти рядом и повредили находящуюся рядом большую сербскую церковь Святого Марка. Однако, часть богомольцев, но не все, вышли из церкви во двор. Я вошел в храм. Хор как всегда прекрасно пел, а Богослужение тоже продолжалось с великолепием дальше.

После боголужения и христосования, перед церковью, как всегда, собралось большое количество богомольцев. Все комментировали бомбардировку, которая уже кончилась. Вдруг ко мне подошел один преподаватель Русско-сербской гимназии с лопатой в руках, которую он мне сразу же вручил. Он мне сказал, что в бомбардировке погибло немало жителей Белграда, в том числе и много русских. В Белграде тогда еще оставалось пару десятков тысяч русских. Преподаватель мне сказал, что уже организована группа русской молодежи для откапывания и другой помощи пострадавшим. Каждый из нас получил по лопате, а со следующего дня мы должны были ежедневно проходить ускоренный курс первой помощи.

Из церкви наш группа в семь-восемь человек с лопатами отправилась в этот первый день Пасхи в дом одного русского кадета (я его фамилию забыл), который погиб в бомбардировке, а его семья частично оказалась под развалинами дома. Когда мы пришли, местные пожарные уже их раскопали, и все были живы, кроме сразу погибшего кадета. Затем мы пошли к одному трехэтажному дому, передняя стена которого развалилась и упала, а на третьем открытом этаже стояла одна русская дама, рядом с роялем. Пожарные её тоже скоро оттуда спустили вниз. Через пару часов я пошел пешком обратно домой, где мои родители уже немного волновались, ибо ничего не знали, что со мной. Никаких телефонов тогда не было. Моя мама всё-таки сделала один маленький кулич, из неизвестно откуда добытой белой муки, но тогда его не разрезали. Мама сказала, что он должен стоять на столе всю Светлую Седьмицу.

Нашей группе учеников сказали, что мы на второй день Пасхи должны встретиться у входа в одну больницу психически больных, чтобы приблизительно двадцати русским больным вручить по одному пасхальному крашенному яйцу. Я помню, что я тогда спросил, а не останется ли нам тоже по яйцу, но на меня очень серьезно посмотрели, и я замолк. Посещение этой больницы, в которой тогда было около ста психических больных, из них около двадцати русских, а остальные сербы, на меня произвело очень удручающее впечатление. Но это тоже была Пасха и наше посещение принесло не мало радости больным, как русским, так и сербам. В этом вопросе, мы и вообще никто не делал никакой разницы.

В Баварии

Уже после окончания войны, мы оказались в Баварии, в маленьком городке Бухлое, 70 километров на юго-запад от Мюнхена. В Бухлое тогда было около 70 русских, в большинстве бывшие военнопленные и насильно вывезенные в Германию рабочие. Старых эмигрантов было меньше десяти.

Все русские эмигранты и беженцы тогда стремились попасть в американскую зону Германии и поэтому в этой зоне было предположительно в первые годы после войны от полмиллиона до одного миллиона русских эмигрантов и беженцев «всех волн». Большинство из них были бывшие военнопленные, с большой прослойкой комсостава, до полковника включительно. В связи с этим, можно отметить два важных аспекта:

1. Среди всех этих разнообразных русских эмигрантов не было абсолютно никакой дискриминации, а наоборот – поддержка и смешение.

2. Главным связующим организующим элементом среди этой огромной массы людей была Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ). В состав её клира тогда вошли епископы, священники и диаконы не только из эмиграции, но также из России и даже из Польши и Прибалтийских стран.

РПЦЗ сразу после войны охватила организационно всех русских эмигрантов и беженцев в трёх западных оккупационных зонах Германии. Были назначены «передвижные настоятели», которые хотя-бы раз в месяц служили литургию в каждом местечке Германии, где были русские эмигранты. Приезжавший к нам в Бухлое священник оставил нам план своих посещений, из которого было видно, что на Пасху он приедет к нам через одну или две недели.

В 1946 году я решил поехать на Пасху в Мюнхен, где тем временем была учреждена резиденция Митрополита Анастасия и Синода РПЦЗ. Я поехал в Мюнхен вечерним поездом, а затем трамваем, как мне указали. Затем я начал искать улицу, где был синодальный храм, и какие-то немцы мне её указали. Подходя, я увидел большой огонь костра под стенами церкви. Я спросил для чего этот костер, и мне ответили, что в России на Пасху так делают.

Я не мог войти в Храм, ибо он был переполнен народом, который даже стоял перед входом, Прекрасно пел большой хор, служило несколько епископов в сослужении многих священников и дьяконов. Я с трудом начал пробираться вперёд, когда вдруг все стоящие в церкви сзади меня двинулись вперёд. Я тихо спросил в чём дело. «Будет говорить Митрополит», мне ответили. Дело в том, что у Митрополита Анастасия давно была операция горла и у него была вставлена металлическая пластинка, из-за которой он говорил довольно тихо.

Все хотели слышать этого не только аскета, богослова и мудреца, но и большого патриота России, государственного деятеля и организатора. Митрополит Анастасий был секретарём Поместного Собора 1918 года, а до этого самым молодым епископом России и профессором в Богословской Академии. Я тогда был очень доволен и даже счастлив, что попал на Пасху в Русскую Церковь, в которой служил тот-же митрополит, который служил на Пасху в Белграде во время первой бомбардировки этой сербской столицы. Через пару дней я вернулся в Бухлое, и увидел пасхальный стол с куличем и крашенными яйцами. Моя мама их как-то раздобыла у местных немцев. «Ведь это наша русская Пасха», сказала она мне тогда.

В далёкой Аргентине

Через пару лет мы уже оказались в Аргентине, где президент страны генерал Перон приказал принять 10.000 русских белых эмигрантов любого возраста по ходатайству РПЦЗ. В Аргентине уже недолго до нас была организована епархия РПЦЗ, с кафедральным собором в нанятом помещении. Затем был куплен участок и построен Воскресенский Кафедральный Собор. Первое богослужение в еще не совсем законченном храме состоялось на Пасху 1958 года. Служил Арихиепископ Афанасий при сослужении почти десятка священников и дьяконов, из самых разных стран мира.

После Заутрени и Литургии, мы приехали к маме. На столе стояли куличи, сырная пасха и крашеные яйца. **Христос Воскресе!**

Буэнос-Арес, Пасха Господня 2020 года.

И. Н. Андрушкевич

КАДЕТСКИЙ ОБЗОР

75-летие генерала А. И. Владимирова

15 сего апреля, почетному председателю ОС СНКР и известному кадетскому лидеру России генералу А. И. Владимирову исполнилось 75 лет.

Объединение русских кадет в Аргентне и «Кадетское письмо» сердечно поздравляют нашего юбиляра и желают ему **многая лета** для его дальнейшего блестящего служения России и нашему кадетскому делу.

Письмо от Кадетского Суворовско-Нахимовского Братства из г. Геленджик

Уважаемые Братья Кадеты!

Поздравляем Вас со знаменательным днём, который можно назвать праздником, днём учреждения в Белграде «Объединения бывших кадет, окончивших Русский кадетский корпус в Королевстве С.Х.С.».

Мы гордимся героическими страницами историей нашей страны, мужеством и стойкостью многих поколений кадет и офицеров, всех, кто сражался за нашу родину Россию.

С огромным уважением относимся к Вам и к тем кто сегодня продолжает славные традиции служения Отечеству, кто превыше всего ставит такие понятия как патриотизм, верность присяге, ратному долгу и Кадетскому Братству.

Желаем Вам и Вашим родным крепкого здоровья, успехов и осуществления намеченных планов.

Мой милый корпус, Здравия желаю!

Я о тебе с любовью вспоминаю,

И пусть пройдет хоть сотня лет,

Но я, Белградский есть кадет,

Усвоил на всю жизнь свою

Урок про дружбу и семью,

Про братство среди таких как я,

Ведь мы же есть одна семья!

Всем офицерам шлю привет,

Желаю счастья, долгих лет!

Всё что умеем делать мы,

Нас научили только Вы!

Желаю мудрости учителям,

Я очень благодарен Вам!

И Всем СПАСИБО говорю,

Сейчас России я служу!

"Кадетское, Суворовско-Нахимовское Братство"

г. Геленджик +79183764111

КАДЕТСКОЕ ПИСЬМО № 122. Буэнос-Айрес, апрель 2020 года. XXVII год издания.

Бюллетень русских кадет в эмиграции. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко,

кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса, в эмиграции. Не издавался с 1961 года.

С ноября 1995г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник

обязательна. **Издатель и редактор:** И. Н. Андрушкевич, кадет XXVI выпуска I Р. К. К.

Почтовый адрес: I Andruskiewitsch. Calle Entre Rios 2628. 1653, Villa Ballester. Argentina.

Эл. адрес: kadetpismo@hotmail.com Кад. пиьма на блоге: <http://i-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>